РАЗДЕЛ III

ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 254.4(571.150-25)"1751/1800"

DOI: 10.32340/2414-9101-2021-2-73-79

В. А. Виноградов, доцент

Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)

vva1951@yandex.ru

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БАРНАУЛЕ (АЛТАЙСКИЙ ОКРУГ, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ) ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Аннотация. В статье с опорой на документы и материалы из фонда Государственного архива Алтайского края (г. Барнаул, Россия) предпринята попытка реконструкции исторических истоков формирования во второй половине XVIII в. системы массового духовного (христианского) образования в Барнауле, столице Алтайского округа в составе Томской губернии Российской империи. Охарактеризован вклад Кабинета Его Императорского Величества, Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства (Горной канцелярии) и Барнаульского духовного правления в процесс становления и развития системы духовно-нравственного просвещения учащихся местных школ священниками Русской церкви.

Ключевые слова: *Русская церковь, Колывано-Воскресенский горный округ, Барнаульское духовное правление, школа, православие, церковь, богослужение.*

Начало организации школьного дела в Колывано-Воскресенском горном округе относится к 50-м годам XVIII века. Ключевым документом для социально-правовой деятельности и условий содержания школ явилось «Повеление» из Кабинета Его Императорского Величества от 17 декабря 1750 года. На основании данного документа Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства 18 января 1753 года объявила об учреждении двух школ – конфессиональной и светской. Их создание определялось внутренними причинами. Первая заключалась в том, что «по множеству в приходе людей с немалым трудом в церковной службе и в мирских трудах исправляются», вторая, – в подготовке «надежных штейгеров, гиттенмейстеров, знающие поведение всего горного дела, также плавильного <...> из которых по знанию и достоинству смогут произведены быть в горные и заводские офицеры» [1]. Набор в ведомственные школы был по большей части принудительным, а состав учащихся ограничивался сословной принадлежностью.

Для реализации повеления Кабинета Его Императорского Величества на Ирбитской ярмарке в апреле 1753 года были приобретены «букварей 9, псалтырей 20, часословов 20. В церковь евангелие, псалтырь, миней праздничный, устав церковный, триод цветной» [2]. Книги соответствующей описью были переданы учителю Петру Хавову, – «дьячка Петропавловской церкви и славяно-русской (горнозаводской. – В. В.) школы учителя при обучении малолетних детей» [3].

Истоки духовного образования в Барнауле связаны с историей Русской церкви на Алтае во второй половине XVIII века.

Интенсивное промышленное преобразование округа (открытие новых рудников и заводов) оказало специфическое влияние на формирование в сфере религиозной жизни.

Поэтому православная церковь выступила одним из главных субъектов духовного развития региона, что традиционно определяло высокий его авторитет среди прихожан. Так, в одном из «Экстрактов» Духовное правление потребовало из заказов представить «сколько в приходах дворов числа, и в них всякого чина обоего пола жителей, и сколько из них во святую четырёхдесятницу и в последующие оной Петропавловской и Успенской посты в 1784 году исповедовавшихся и причастившихся» [4].

В 1750 году решением Тобольской консистории в целях руководства духовной жизнью населения горного округа, было образовано Барнаульское духовное правление. Созданная административная структура, имела собственные органы управления, контролируемая как со стороны Канцелярии горного начальства, так и со стороны Тобольской консистории, которая, в свою очередь, находилась в подчинении Священного Синода.

В сложном процессе организации школьного образования Духовному правлению требовалось реальное взаимодействие со светской властью. Использование местной администрацией в своих целях церкви обнаруживается в поддержке по созданию традиционных для православия сети приходских храмов, регламентации элементарных этических норм поведения в повседневной жизни, воспитания детей, укреплению высокого авторитета в глазах всего населения.

С самого начала своего образования Барнаульское духовное правление заняло видное место по освоению обширной территории Колывано-Воскресенского горного округа. Поэтому церкви отводилась особая роль в консолидации населения, а также его духовно-нравственном воспитании, просвещении и образовании, которое должно было служить цели «их вразумления», приобщения «к праведному христианству» и воспитанию верноподданнических чувств к императору. Для многих переселенцев, оказавшихся по разным причинам в округе, церковь являлась своеобразной «нитью», которая связывала их с родиной, с привычным образом жизни. В то же время в экстремальной ситуации, церковь оказывала психологическую и моральную поддержку, способствуя адаптации к новым суровым условиям жизни. Однако ее главными культовыми функциями были совершение богослужений, отправление религиозных праздников, проведение воскресных проповедей и духовно-нравственных бесед, устных и книжных наставлений.

Для русского православная вера являлась нравственным идеалом. «Судили о ней по аккуратным посещениям церкви, по соблюдению постов и обрядов, но особенно – по степени выполнения нравственных норм в целом» [5, с. 114]. Церковь являлась организатором всех сфер духовной жизни человека, сопутствуя ему на протяжении всего жизненного пути от рождения до смерти, и «имела неотразимое влияние на дух его во всех важнейших обстоятельствах его жизни» [6, с. 106].

Важную роль Барнаульское духовное правление выполняло в области просвещения и образования. Его просветительская деятельность имела огромное значение для духовно-нравственного и умственного развития населения. Под его руководством церкви барнаульского округа являлись не только духовно-идеологическим, но и культурно-просветительскими центрами, по выражению современников, «рассадником веры и знания».

Начало духовного образования в Колывано-Воскресенском горном округе связано с распоряжением митрополита Павла Конюсевича, об открытии *латинской школы* (выделено – В. В.) в Барнауле в 1759 году [7, с. 229–230].

В существующих историко-краеведческих и научных публикациях существует различные толкования о деятельности «латинской школы». Так, например, краевед А. Д. Сергеев отмечает, что «дети некоторых священников (без указания конфессии – В. В.) проходили обучение в латинской школе для латинского диалекта» и это связано с приездом в Колыванские заводы пастора И. Б. Леубе в 1751 году [8]. Исследователь Маняхина М. Р. в своей монографии утверждает, что «латинская школа была одна из первых учебных заведений на Алтае, организована раньше светских и церковно-православных школ» [9, с. 159].

Факты, однако, указывают на прямо противоположное. Проведенный нами анализ архивных документов XVIII века, обнаруженных в Государственном архиве Алтайского края, позволяет

внести ясность в историю становления не только «латинской школы», но и в целом по организации пополнения рядов местного малочисленного духовенства из числа обучившихся в Барнауле.

Во второй половине XVIII века в Колывано-Воскресенском округе началось активное строительство православных храмов, в том числе и каменных [10, л. 12–13]. Источник финансирования напрямую зависел от принадлежности церкви к тому или иному ведомству. При заводах и рудниках за казенный счет, а в сельских поселениях на средства добровольных пожертвований прихожан. Так, вновь построенная каменная Петропавловская церковь (1774) «совсем благолепием и оскобленной оградой» казне без строительных работ обошлась в 2012 р. 96 к. [11]. В одном из архивных документов – «О крестьянских работах направленных при заводах и рудниках за подушной» (1774) упоминается о привлечении 2371 человека на завершение строительства храма [12].

Вновь возведенные храмы испытывали огромный недостаток в образованном духовенстве. Так, например, барнаульские Петропавловская церковь с 251 прихожанами имела недостаток в 1 священнике, 2 диаконах, 2 дьячках, Захарьевская с 274 прихожанами в 6 служителях, а в целом по заказу вакантным оставалось 90 причетных мест [13].

Тобольская консистория неоднократно проводила проверки знаний и умений служителей местных приходов. В отчетах отмечалось «петь по ноте не умеет», «катехизиса не знает», «читает только часослов» [14]. Однако архивные документы содержат и положительные оценки. Например, «священник Одигитриевской церкви И. Знаменский читает, поет по ноте, знает иностранные языки» [15]. Церковнослужители, отдававшие все свои знания и силы избранному делу, создавали в регионе прочную основу для распространения православия, грамотности, книжного дела. Среди представителей приходского духовенства XVIII в. встречалось немало династий, биографии которых являются ярким образцом не только религиозного служения, но и просветительства – Бакшевы, Веригины, Вихоревы, Хмылевы, Шукшины и др.

В краевом архиве сохранились отчеты из всех церквей Барнаульского приказа за 1788 год об обучении детей в домашних условиях [16]. Такая форма обучения преобладала в отдаленных приходах. Согласно документам священнослужительских детей в заказе числилось 83 ребенка мужского пола от 1 до 18 лет. При этом отмечено последовательность приобретения основ грамоты – азбуке обучали с 6 лет, псалтыри с 8 лет, далее письму и пению [17]. В качестве примера приведем несколько расписок из разных приходов барнаульского приказа, в которых отмечены основные направления обучения собственных детей. Священник Захарьевской церкви Афанасий Соболев пишет: «мой сын Андрей 9 лет, твердит часослов и обучается петь по ноте»; дети пономаря из села Легостаево Ивана Мухина «Макарий октоиху по ноте обучен, Ефрем обучает псалтырь десяту кафизму, Федор часослов полуношну»; священника Бердского острога Алексея Хмылева – «Иван большой стверживает часослов, Иван младший обучает псалтырь третью кафизму, Илья стверживает азбуку» [18].

Документальные сведения об открытии «школы латинского диалекта» в Барнауле относятся к 1760 году. Решение об ее учреждении принял в 1759 году тобольский митрополит Павел Конюшкович. В ней должны были обучаться дети духовенства Барнаульского приказа, которая к тому времени насчитывала 15 приходов и охватывала огромную территорию. Школа находилась в одном из помещений Духовного правления. Заботу о школе взяло на себя Барнаульское духовное правление, в задачи которого входило решение вопросов, связанных с организацией учебного процесса, обеспечением книгами, подбором учителей, поиском жилья, взаимодействием с родителями. Первым учителем латинской школы стал диакон Одигитриевской церкви Федор Омсков, выпускник Тобольской семинарии. Указом митрополита Тобольского и Сибирского Павла, полученного Барнаульским духовным правлением в 1761 году, школе предписывалось: «В учрежденных приказах школах латинского диалекта, обучать священноцерковнослужительских детей, каких брать от 10, оные же, кои русской грамматике обучены, до 15 лет» [19].

В 1762 году в латинской школе числилось 18 детей из 9 приходов [20]. В разные годы количество учеников менялось. Например, в июне 1764 года в документе «Ведомости, учиненная о находящимися барнаульской латинской диалектики школы ученикам», составленном

иеромонахом Вениамином Тобольской семинарии учителем, указано 10 учеников в возрасте от 10 до 16 лет, из которых 4 старших ученика находились в бегах по разным причинам. Первые ученики были набраны в феврале 1760 года, а последние в марте 1764 года. По итогам ревизионной проверки иеромонах сделал заключения относительно индивидуальных способностей каждого из учеников. Четверо оказались «в учении малонадежными», а двое «доброй надежды и понятливы» [21].

Четкого плана, представлений о направлении деятельности школы, о сроке обучения не было. Окончившим школу считался ученик, прослушавший полный курс и успешно сдавший экзамены. В 1763 году из Тобольска в духовное правление пришел приказ митрополита Павла, в котором обнаруживается направленность обучения, там, в частности, отмечалось: «В оных учрежденных Тобольской епархии при разных правлениях латинских школах, находящихся в обучении детей сверх латинского, учеников обучать нотному простому и ирмологному пению нетленно» [22].

В феврале 1763 г. в своем рапорте учитель Ф. Омсков отчитался «по силу имеющегося здесь в правление указа <..>во исполнение одного 3 человека здесь обучены» [23]. В «Росписе ученикам» он отметил сына бывшего протопопа С. Шелковникова Ивана 14 лет «понятия посредственного», детей Белоярской слободы Ивана Бакшеева Ивана 18 лет и Федора 12 лет «понятия оба доброго и надежного. Все трое проэкзаменованы в малой и великой ектений, а также просодия. Бакшеевы нотному пению обучены, Шелковников за непонятливостью в пении обучить немож» [24].

Самой главной проблемой для школы и содержания учителя при ней, оставшейся так и не решенной, была финансовая. В 1762 году решением Барнаульского духовного правления финансирование обучения детей из разных приходов и заказов переложили на родителей «собственным коштом», позволив им взимать для этой цели «по копейке с числа приходских дворов» [25]. Однако для приходского духовенства содержание собственных детей в школе обернулось дополнительным налогом, поскольку священникам приходских церквей приходилось собирать деньги и на содержание Тобольской семинарии и Томской латинской школы. На это указывает письмо в Барнаульское духовное правление священника Красноярского села Ильинской церкви Кузнецкого заказа Евсея Свинкина, сын которого Василий обучался в Барнауле. Он пишет о том, что «кроме других сборов на три стороны (имеется в виду школы – В. В.) пришел в крайнее разорение и платить же в Барнаульскую школу не в состоянии» [26].

Иногородние дети Барнаульской латинской школы испытывали крайнюю нужду. В архиве отложилось несколько «прошений» в духовное правление об улучшении материального положения. Так, в апреле 1763 года Василий Синкин в своем прошении отмечал: «Обретаюсь я низайший в здешней барнаульской школе. За отдаленностью моего дому в другом заказе, немалую в пропитании и в одежде перетерпеваю скудость и того ради прошу определить в здешнюю Богородическую Одигитриевскую церковь на порожнее место пономарем» [27].

Барнаульская школа «латинского диалекта» неоднократно проверялась представителями Тобольской семинарии. В ходе инспекционной поездки по Барнаульскому заказу в ноябре 1766 г. иеромонах Савватий обнаружил следующее: «По еже [поскольку по] малолетству их содержать школу трудно, да и учителю священнику Федору Омскову, как и за исполнением мирских треб, так и священнослужительских детей обучать их без остановки, того ради Барнаульская латинская оставляется до указа его преосвященства, а самих учеников выслать для определения в Тобольскую семинарию» [28].

На основании анализа состояния и уровня обучения в 1767 году митрополит Тобольский и Сибирский Павел дает распоряжение о закрытии всех латинских школ и учреждении вместо них русских школ, в которых предполагалось обучать детей славянской и русской грамоте, пению по нотам, письму и катехизису [29, с. 39]. Причины такого постановления заключались в дефиците образованных учителей, недостатке учебников, неспособности учеников освоить программу. Преемник митрополита Павла на Сибирский кафедре преосвященный Варлаам, в донесении от 30 марта 1769 года, докладывал Священному Синоду о том, что заказные латинские школы в течение 10 лет своего существования не принесли никакой пользы [30]. Будучи уверен в том, что

духовенство само будет обучать своих детей русской грамоте, и, предполагая перевести учеников приказных школ в Тобольскую семинарию, преосвященный Варлаам в 1769 году упраздняет не только латинские, но и русские школы епархии, а начальное обучение детей церковнослужителей впредь возлагает на родителей [31].

В 1779 году Тобольская епархия решила вновь открыть на местах славяно-русские школы. По ведомости о школах Тобольской епархии, составленной в октябре 1780 года, такие школы имелись в Тобольском архиерейском доме и при духовных правлениях в городах Екатеринбурге, Ирбите, Таре, Барнауле. Однако в Барнауле «русская школа» открылась только в 1782 году. На это косвенно указывают целый ряд архивных документов, содержащие отчеты и ведомости из разных приходов «о наличии детей и кто чему обучается», относящихся к 1780–1789 годам, в которых отчетливо просматриваются домашняя система обучения [32]. Так, например, в «Ведомости» (1781) отмечено, что сын священника Петропавловской церкви Белоярской слободы Ивана Бакшеева Сергей 14 лет, «читать, писать, петь по ноте обучен, и по указу из Тобольской духовной консистории обучается латинскому диалекту под усмотрением своего отца, а за неимением учителю платы тому диалекту, обучаться перестал» [33]. Захарьевской церкви (Барнаул), умершего священника Афанасия Соболева сын Андрей 11 лет обучается «книгочтению и пению по нотам» [34].

В 1782 году Барнаул вновь обретает духовное учебное заведение под названием «русская школа», в программе которого был стандартный набор предметов – книгочтение, письмо и нотное пение. Сведений о деятельности школы в 80-е годы сохранилось немного. Основная часть документов 80-х годов имеет отношение к домашнему образованию. Так, в рапортах (1788 г.) от священнослужителей всех церквей Барнаульского заказа упоминается 83 ребенка мужского пола от 1 до 18 лет с указанием кто чему обучается, имеются списки отправленных в Тобольскую семинарию [35]. Обобщая данные можно констатировать, что азбуке детей начинали обучать с 6 лет, псалтыри с 8 лет, а далее, после приобретения навыков чтения, обучали нотному пению [36].

Более полные сведения о русской школе появились в 90-х годах XVIII века. Духовное правление прилагало серьезные усилия для привлечения кого-либо из своей среды в учителя. Однако желающих не находилось не только за низкой оплаты, но из-за лишения частных доходов от церковной службы. 12 июня 1796 года указом ректора Тобольской семинарии Вениамином «русской школы учителем» был определен дьячок из Белоярской слободы Иван Лабезников с «подпиской в том, что к обучению славянорусской грамоте священноцерковнослужительских детей неленостно и ведомости ежемесячно об успехах их в духовное правление подавать имеет» [37]. На основания указа, заказчиком духовного правления протоиереем И. Пеуновым и И. Лабезниковым были согласованы вопросы исполнения должности учителя с годовым жалованием в 25 рублей в год. Приступив к должности учителя в сентябре 1796 года, И. Лабезников подал прошение в духовное правление, в котором он «в школе учительскую, так и при церкви дьяческую, две должности отправлять не в силах и невозможно, да за таковую плату учительскую исправлять должность не желаю, и должное старание об успехах прилагать не изчего. Ибо я, находясь всегда при школе, лишаясь тогда частных церковных доходов, и по каждодневному хождению по два в день раза в школу, одежду и обувь бескорыстно на себе изнашиваю» [38].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать итоговый вывод о том, что роль Русской Церкви в развитии духовного образования в Барнауле была весьма значительной, более того, имеются основания полагать, что Русская Церковь выступала фактическим инициатором создания фундамента системы образования в регионе. Представленный материал позволяет утверждать, что проблематика, связанная с изучением роли Русской Церкви в развитии образования в России в целом и в отдельных ее регионах в частности, не только не утратила своей актуальности и значимости, а требует дальнейшего всестороннего изучения.

Список источников и литературы

1. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. 1. Оп. 1. Д. 148, Л. 17–18 об.

1. ГААК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 28. Л. 312–313 об.
2. ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 440. Л. 1.
3. ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1201. Л. 66–67 об.
4. Громыко, М. М. Мир русской деревни. – Москва : Молодая гвардия, 1991. – 446 с.
5. Снегирёв, И. Взгляд на православное иконописание // Философия русского религиозного искусства XVI–XX века : антология. – Москва : Прогресс : Культура, 1993. – С. 101–113.
6. Копылов, А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX вв. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1974. – 251 с.
7. Сергеев, А. Д. Место и роль И.Б. Леубе в истории Алтайского края // История культуры немцев Алтая : [сб. ст.] / под общ. М. А. Дёмина, В.И. Матиса. – Вып. 1 : По материалам этнографических экспедиций. – Барнаул : Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1999. – С. 37–53.
8. Маняхина, М. Р. Русская православная церковь в конфессиональных процессах в истории культуры Сибири (XVII – начало XX вв.) : дисс. ... д-ра культурологии: 24.00.01. – Санкт-Петербург, 2003. – 386 с.
9. ГААК. Ф. 26, Д. 440. Л. 12–13.
10. ГААК.Ф. 169. Д. 79. Л. 22.
11. ГААК.Ф. 169. Д. 28. Л. 14 об.
12. ГААК.Ф. 26. Д. 440. Л. 13 об. – 14.
13. ГААК.Ф. 26. Л. 425. Л. 13.
14. ГААК.Ф. 26. Оп. 1. Д. 443. Л. 6 об. – 17.
15. ГААК.Ф. 26. Д. 443. Л. 7 об., 8 об., 11 об.
16. ГААК.Ф. 26. Оп. 1. Д. 12. Л. 75, 78–78 об.
17. ГААК.Ф. 26. Оп. 1. Д. 33. Л.Л. 122, 127, 132.
18. ГААК.Ф. 26, оп.1, д.7, лл.87-87 об.
19. ГААК.Ф. 26, оп.1, д.804, лл.24 об.-25 об.
20. ГААК.Ф. 26, Оп. 1. Д. 440. Л. 6–9.
21. ГААК.Ф. 26. Оп. 1. Д. 10. Л. 22.
22. ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 10.Л.20
23. ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 10.Л.21.
24. ГААК.Ф.26, оп.1, Д.1346, Л.Л.30-31.
25. ГААК.Ф. 26. Оп. 1. Д. 1346. Л. 30–31 об.
26. ГААК.Ф. 26. Оп. 1. Д. 352. Л. 31.
27. ГААК.Ф. 26. Оп. 1. Д. 440. Л. 21.
28. Побединский, М. Старинные Томские духовные школы (1746–1820 гг.) / [Соч.] Преп. Том. духов. уч-ща М. Побединского. – Томск : Паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1896. – [2], 89 с.
29. Побединский, М. Указ. соч.С.40-41
30. Побединский, М. Указ. соч.С.45
31. ГААК.Ф. 26. Оп. 1. Д. 1199. ЛЛ.4-6
32. ГААК.Ф. 26. Оп. 1. Д. 442. Л.45.
33. ГААК.Ф. 26. Оп. 1. Д. 442. Л.45 об.
34. ГААК.Ф. 26. Д. 11. Л. 47 об.
35. ГААК.Ф. 26, Оп. 1. Д. 443. Л. 7 об. – 11 об.
36. ГААК.Ф. 26, Оп. 1. Д. 349. Л. 33.
37. ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 38. Л. 27–27 об.

Vladimir A. Vinogradov

Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)

vva1951@yandex.ru

PARISH EDUCATION IN BARNAUL (ALTAI DISTRICT, RUSSIAN EMPIRE) IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

Abstract. The paper drawing on documents kept by State Archive of Altai Krai (Barnaul, Russia) reconstructs historical origins of mass parish education system in Barnaul of the second half of the 18th century which was a capital of the Altai District entered into Tomsk Province of the Russian Empire. The author describes a contribution of His Imperial Majesty, Front Office of Kolyvano-Voskresensky territory (Mining Office), and Barnaul Church Government to development of a system of enlightenment of local schoolchildren run by priests of the Russian Church.

Keywords: *Russian Church, Kolyvano-Voskresensky Mining District, Barnaul Church Government, a school, Orthodoxy, liturgy.*

УДК [792:7.073-056.24](571.150)

DOI: 10.32340/2414-9101-2021-2-79-84

Н. В. Губина, кандидат филологических наук

Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)

ninochka4@mail.ru

Е. П. Тагильцева

Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)

tag.elena@icloud.com

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРАКТИКЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ТЕАТРА

Аннотация. Обзорно охарактеризована специфика инклюзивного театра – набирающего популярность направления любительского театрального творчества, нацеленного на содействие процессам реабилитации и социализации зрительской аудитории с ограниченными возможностями здоровья. Рассмотрены ключевые принципы организации инклюзивного образовательного и культурного пространства, адаптированные под реалии современного социального театра для лиц с физическими и ментальными особенностями. Авторы суммируют итоги инклюзивных театральных мероприятий последних лет, организованных на образовательной площадке «Парус» Молодёжного управленческого форума «Алтай. Точки роста» (Алтайский край, Россия).

Ключевые слова: *любительский театр, аксиологический подход, инклюзивное образование, инклюзивный театр, принципы инклюзии, лица с ограниченными возможностями здоровья, социализация лиц с ограниченными возможностями здоровья.*

Социальная инклюзия все чаще становится предметом обсуждения научного сообщества как проявление культуры инновационного типа в целом, а также с точки зрения отдельных составляющих культуры: образования, творчества, досуга, социальные связи и отношений [1, 2]. По мнению исследователей, «инклюзивную культуру следует рассматривать как особый тип культуры, содержанием которой является создание условий для личностной самореализации индивидов без ограничений их возможностей» [1, с. 128]. Успех формирования этой культуры тесно взаимосвязан с развитием инклюзивной социальной политики, а также организацией инклюзивной практики